

**«ЛИКИ СВЯТОСТИ» И «МАСКИ БЕСОВСТВА» В ПРОЗЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(И. Шмелев, Б. Зайцев, И. Бунин)**

*Работа представлена кафедрой истории и теории литературы
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. А. Пономарева

В статье на примере отдельных произведений писателей-эмигрантов (И. Шмелева, Б. Зайцева, И. Бунина) рассматривается проблема духовного склада русского человека, утрата и обретение им

Православной веры, когда под влиянием катастрофических событий революции в России обострилось контрастное разделение людей на носителей образа Божия и образов демонских.

Ключевые слова: русский вопрос, образ русского человека, образ носителя света, образ носителя тьмы.

N. Lau

“IMAGES OF HOLINESS” AND “MASKS OF DEVILRY” IN RUSSIAN EMIGRANT PROSE (I. Shmelev, B. Zaytsev, I. Bunin)

The article considers the problem of the Russian people’s spiritual image in different works of emigrant writers (I. Shmelev, B. Zaytsev, I. Bunin), their loss and regain of the Orthodox faith, when the separation of people into carriers of God’s and demons’ images became aggravated under the influence of the Revolution’s catastrophic events in Russia.

Key words: “Russian” question, “Russian man” image, “carrier of light” image, “carrier of darkness” image.

В многообразии тем литературы русского зарубежья первой волны эмиграции, русскому вопросу отдавалось одно из главных мест. Литературные деятели различных направлений и в разных жанровых вариациях обращались к исследованию причин катастрофы русской души, по-новому осмыслия образ русского человека. После исторических событий 1917 г. многие писатели-эмигранты отказались от идеи «избранничества» русского народа, как «посредника... между человеком и сверхчеловеческой действительностью» [6, с. 172].

Как и для многих современников-эмигрантов, для И. Шмелева, И. Бунина, Б. Зайцева начало 1920-х гг. стало временем осмысления «русской катастрофы». В прозе первых лет эмиграции заявлена тема антихристианской природы идей устроения «земного рая». В рассказах и повестях усугубилось максималистское, контрастное разделение людей на носителей света и тьмы. Вслед за Ф. Достоевским, в унисон размышлением религиозных философов Н. А. Бердяева («Духовные основы русской революции» – 1918 г., «Истоки и смысл русского коммунизма» – 1938 г.), С. Н. Булгакова («Карл Маркс как религиозный тип» – 1929 г.), Шмелев оценивал духовные основы марксизма как проявление «бесовства». Той высоте, на которую вознес человеческий образ своим подвигом Спаситель, в социализме противопоставлена новая идеология, которая была осмыслена И. С. Шмелевым как «оборотничество», выворачивающее наизнанку

все духовные ценности. Вариации этой темы находим как у писателей православного толка (Б. К. Зайцев роман «Золотой узор», тетралогия «Путешествие Глеба»), так и у тех, кто использовал библейскую образность на уровне философской мудрости (И. А. Бунин «Окайяные дни»).

Особенно резок в своих оценках духовной катастрофы народа в революции, был Иван Бунин в «Дневнике 1917–1918 гг.» и в «Окайяных днях» (1918–1919 гг.), считая «разнужданную азиатчину» истинной подоплекой русской души: «Нынче читаю о Владимирско-Суздальском царстве в книге Полевого. Леса, болота, мерзкий климат – и, вероятно, мерзейший, дикий и вульгарно-злой народ. Чувствую связь вчерашнего с этим – и отвратительно...» [1, с. 41].

Следует заметить, что, в отличие от многих эмигрантов, Бунин и до революции не идеализировал русскую природу, заявляя о теории «двух типов» русского характера – «стихийно-разрушительного и пассивно-созерцательного» [4, с. 128]. Он напишет об этом и в «Окайяных днях»: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, „шаткость“, как говорили в старину» [1, с. 141]. Яркий пример стихийно-разрушительного типа русского характера воплотился у Бунина уже в 1909 г. в образе Герваськи (повесть «Суходол»). Полученный доступ к материальным благам

только еще более разнуддал природу дикаря. Представителем же пассивно-созерцательного типа русской натуры явился Николка Серый из повести «Деревня» (1909–1910 гг.), о котором Бунин не напрасно вспомнит в своих дневниках: «...сидит на лавке в темной, холодной избе и ждет, когда подпадет какая-то „настоящая“ работа, – сидит, ждет и томится. Какая это старая русская болезнь, это томление, эта скука, эта разбалованность – вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает...» [1, с. 143].

Но именно в «Октябрьских днях» Бунина страшный духовный облик русского человека приобретает особую символическую завершенность. И если Б. Пастернак назовет революционеров «жертвами века», а для А. Куприна красноармейцы – темный народ, вызывающий сострадание автора, «русские разнесчастные обманутые Иваны» [3, с. 247], то для Бунина такой взгляд неприемлем. «Новый „хозяин земли русской“, грубый и жестокий, – символ революции по Бунину, и зачем дробить его образ, выискивая в нем и светлое и темное...» [1, с. 15]. Созвучно купринскому было отношение Б. Зайцева к невольным участникам революционных событий из среды народа, Бунин же исключает даже христианскую идею покаяния для заблудшего человека. Участники революции для Бунина – это «похабная солдатня» и «отборные каторжники», в которых главное – распущенность. В людях революции автор подчеркивает зверство, чудовищность, лица сплошь жестокие и грубые, обличившиеся в маски бесовства: «Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» [1, с. 110]. Это даже не лица, а «типы».

Не меньшим сарказмом по отношению к русской натуре пропитаны произведения И. Шмелева 1918–1925 гг.: повести «Этобыло», «На пеньках», эпопея «Солнце мертвых». Уже весной 1917 г. в поездке в Сибирь Шмелев увидит, что «с революционными лозунгами свободы пробудилась и вседозволенность» [5, с. 73]. В произведениях этого периода Шмелев опишет расколотую Россию: революционные события вскрывают двойственную сущность

русского характера, они разделили людей на носителей образа Божия и демонских образов. Антихристова сущность приверженцев идеи всеобщего экономического равенства, «мясной философии», по выражению самого автора [7, с. 152], обратила их в страшные демонские сосуды – «тех, кто убивать ходят» («Солнце мертвых»). Выражая точку зрения автора, шмелевский профессор Мельшаев («На пеньках») уверовал в закономерную природу зла и в патологическую неспособность к развитию вырожденцев из народной среды.

Необходимо оговориться, что в данный период творчества понимание Шмелевым природы русской души далеко отступало от православного, поэтому катастрофические события революции и гражданской войны могли породить лишь мстительную реакцию таких самоотверженных героев, как профессор Мельшаев («На пеньках») и капитан Шеметов («Лик скрытый»).

В эпопее Шмелева «Солнце мертвых» вскрывается эпохальная катастрофа – отпечаток «оборотничества» ложится на лица всех персонажей. Сам космос подвержен тлению, «бесы» наполняют собой весь мир, в котором герой-рассказчик не видит более просвета и надежды: «нет храма... Бога нет» [7, с. 468], душа его мучится всеобщим, вселенским страданием. Грубые формы и резкие цвета усиливают образы «тех, кто убивать ходят» [7, с. 477]: в рассказе «Про одну старуху» у солдат «морды красные, а которые зеленые... сами налиты, сапоги горят... и звезды... как кровь запекло» [7, с. 33].

Та глубина, с которой Шмелев постиг нечеловеческую, сатанинскую сущность творцов красного террора, нашла свое воплощение и в романе Б. Зайцева «Золотой узор». Но если у Шмелева в эпопее «Солнце мертвых» полная, совершенная перемена, произошедшая с народом в России, принимает глобальный масштаб, то у Зайцева в романе «Золотой узор» народ не становится поголовным носителем зла. Простые мужики попадают в революцию случайно, по темноте, «они в угаре, в помутнении, как вся Россия» [2, с. 140]. Деформированный, антихристианский образ принимают в себя лишь некоторые персонажи, обычно главари,

вершители террора: матрос Красавин, немало порешивший офицеров в Кронштадте, который «молотками забивал... по дворянским черепам» [2, с. 145], бывший толстовец Кухов; «писатель и любитель музыки» Франц Вениаминович, ставший «главным» на Лубянке. Автор отмечает их образы «нездешними», призрачными чертами, обнажающими внутреннюю и внешнюю аномалию: «остроугольность» в облике Франца Вениаминовича, сам он «сухой... без возраста... бесцветные глаза, тонкие губы» [2, с. 174]. Зайцев использует определенную цветовую гамму, подчеркивающую неестественность и будто бы смертный тлен, который преступил во внешности гла-варей: у Красавина «резко белая шея», взгляд его «будто замутнился» [2, с. 144], у Франца Вениаминовича «желтая рука, желтый отлив неживой кожи на лице» [2, с. 174, 175]. Автор указывает на скрытую стихийную природу той таинственной разрушительной силы, которая становится хозяином души и теперь управляет ею: «Незаметное, но явственное преступило через бритое лицо» Красавина [2, с. 144].

Маски бесовства русской революционной реальности не затмили для художников чистых «ликов святости». Альтернативой искаженному, антихристианскому образу русского человека стал в произведениях писателей-эмигрантов образ святого.

В поиске носителей идеалов духовных ценностей Б. Зайцев обратился к образам великих православных Святых: от царя Давида и Алексия Божия человека – до русских Сергия Радонежского и Авраамия. В реальных агиографических жизнеописаниях Зайцев находил ценности, утерянные рационалистическим сознанием: жертвенная любовь Авраамия, благодатное смиление перед волей Бога бла-женного Алексея, неколебимый духовный аскетизм Преподобного Сергия.

Земное бытие предстает в сознании героев зайцевской прозы как «Божий Рай» (Миша в «Мифе», Петя в «Дальнем крае», Глеб и Элли в «Путешествии Глеба»), по этой причине оно не может быть искаженным и всецело под-верженным умиранию, как для рассказчика эпопеи Шмелева «Солнце мертвых». «Бесы»

Зайцева являются собой лишь малую часть, обнаруживая при этом и свое бессилие про-тив тех, кому открыта истина Божественной ведомости. Героиня романа Зайцева «Золотой узор», Наталья Николаевна, постигает глубинные основы веры в череде мук и смертей са-мых близких ей людей (отца, сына, духовного наставника Георгия Александровича). Именно в Боге она видит единственное утешение в са-мые страшные минуты. «Он поднимал меня» [2, с. 189], – вспоминает Наталья Николаевна уже в эмиграции. Противостоят слугам «клу-кавого» и подросток Андрюша, способный на жертвенную любовь к ближнему, и «стоик» Георгиевский; спокойная, твердая неколеби-мость проявляется во внешности простого са-пожника Антона Григорьевича, его готовность прийти на помощь нуждающемуся: «Этот спокойный, скромный старичок, весь день сидевший за колодками, в очках, связанных ниточкой, принял нас с простотой высшего аристократизма» [2, с. 153].

В прозе Шмелева второй половины 1920-х – 1930-х гг. «Святая Русь» противостоит раз-гулу «бесовства» в пространстве послерево-люционной России. И не карающая длань, а духовное преображение всего народа – в ос-нове авторских надежд о спасении отечества. Покорные «бледные тени» людей в «Солнце мертвых» сменила грозная православная сила. Автор дает ей возможность в реальных обстоятельствах побеждать богоборцев. Эта сила способна пронять сердца мучителей, побеждает их Словом: генеральский сын Миша блаженный, получивший от жестокого чекиста матроса Забыкина «Удостоверение без опасной личности» («Блаженные»); дьякон, бесстрашно проповедующий «Свет Разума». Иногда старая крепкая Русь физи-чески превосходит новое: старик Упоров с сыновьями, отстававший от изъятия цер-ковные ценности («Свет вечный»), «Желез-ный Дед»-лесовик, положивший не одного «комбеда».

Герои Шмелева более не колеблются в вере, но все более возрастают в ней, духовно воспитывая себя в череде утрат и выпавших на их долю страданий. Таковы Пиньков («Крест»), дьякон («Свет Разума»), старик

педагог («Однажды ночью»). Главный труд дьякона по обращению человека – молитва, церковная служба, проповедь, а не исправление социального бытия человека. Пиньков – действительный изгнаник в мире, где, под влиянием кардинального общественного крушения, обнажилась иллюзорная суть вещей. Герой рассказа «Однажды ночью» – тоже добровольный изгнаник, находящий отраду в научных изысканиях и в молитве. А внешность старика доктора Михаила Васильевича из эпопеи «Солнце мертвых» уже при его земной жизни приняла черты святости: «Лучистые морщинки у глаз и высокий лоб в складках делают его похожим на древнерусского старца: был когда-то таким Сергий Преподобный, Серафим Саровский...» [7, с. 492].

Изображая послереволюционную Россию И. Бунин редко использует прием контраста, обнаруживая односторонность и крайний субъективизм. Но и в его дневниковых записях запечатлелись лики, окрашенные неким оттенком агиографичности, – чаще всего это жертвы, вызывающие сострадание писателя: «...Встретил в Мерзляковском стражу. Ос-

тановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала: – Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться?» [1, с. 87], «На Тверской бледный старик-генерал в серебряных очках и в черной папахе что-то продает, стоит робко, скромно, как нищий...» [1, с. 95], «Старик букинист Волнухин, в полуушубке, в очках. Милый, умница; грустный, внимательный взгляд» [1, с. 122].

В произведениях 1920-х гг. писатели-эмигранты лишь исследовали причины духовной катастрофы русского человека. Несколько позже, уже в 1930-е гг., поиск путей соединения распадающегося мира мощным потоком войдет в литературную мысль русской эмиграции. И. Шмелев, Б. Зайцев, И. Бунин, расходясь в частностях, каждый по-своему, стремились вывести заблудшего человека из душевной смуты и восстановить в нем утраченный образ Божий. Спасаясь от отчаяния и разочарований в духовных ценностях человечества, они находили утешение в собственном творчестве, в то же время предлагая изуверившемуся поколению XX в. выход из хаоса и обретение гармоничного бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И. А. Окайянные дни / вступ. статья С. Ярова. СПб.: Азбука-классика. 2005. 320 с.
2. Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 3. 576 с.
3. Куприн А. И. Собр. соч.: в 11 т. М.: Терра, 1998. Т. 11.
4. Смирнова Л. А. Русская литература конца XIX – начала XX века. М.: Лаком-книга, 2001. 398 с.
5. Солнцева Н. М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.
6. Соловьев В. Собр. соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
7. Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 1. 638 с.

REFERENCES

1. Bunin I. A. Okayannye dni / vstup. stat'ya S. Yarova. SPb.: Azbuka-klassika. 2005. 320 s.
2. Zaytsev B. K. Sobr. soch.: v 5 t. M.: Russkaya kniga, 1999. T. 3. 576 s.
3. Kuprin A. I. Sobr. soch.: v 11 t. M.: Terra, 1998. T. 11.
4. Smirnova L. A. Russkaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka. M.: Lakom-kniga, 2001. 398 s.
5. Solntseva N. M. Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo. Zhizneopisaniye. M.: Ellis Lak, 2007. 512 s.
6. Solov'yov V. Sobr. soch.: v 2 t. M.: Mysl', 1990. T. 2.
7. Shmelev I. S. Sobr. soch.: v 5 t. M.: Russkaya kniga, 1998. T. 1. 638 s.